

В ночь перед открытием испытания в Зеркале Десяти Тысяч Образов Линь Цзин специально пришел к Бай Сяньчэню, чтобы поделиться полезным опытом и дать пару наставлений.

Но как только он открыл дверь, то буквально онемел от увиденного в комнате...

Неизвестно откуда взявшийся толстый слой снега и льда занимал добрую половину пола. Бай Сяньчэнь стоял посреди этого сугроба, не в силах унять дрожь от холода, но упрямо продолжал рассыпать остатки ледяной крошки.

Линь Цзин застучал зубами, его тоже затрясло:

— Ван-Ван-Ван-Ван Кэ, ты-ты-ты что творишь?

Бай Сяньчэнь ничего не ответил. Закончив обустраивать эту «ледяную площадку», он опустил на колени у кровати и на мгновение забылся.

Только тогда Линь Цзин заметил цветок, укоренившийся прямо во льду.

Цветок и впрямь был чудо как хорош: его лепестки переливались мягким светом, излучая холодное, божественное изящество. Линь Цзин был настолько поражен этой красотой, что сразу понял, почему Бай Сяньчэнь не хотел причинять растению вреда.

— Так это и есть та самая Ледяная Красавица? — прошептал он.

Бай Сяньчэнь кивнул.

Помня о том, что через несколько дней ему придется отослать Красавицу, Бай Сяньчэнь в последнее время из всех сил старался задобрить её, надеясь оставить в памяти цветка хоть какие-то «счастливые воспоминания детства».

Если бы не конфликт стихий льда и пламени, Бай Сяньчэнь не поскупился бы даже на собственную духовную силу для Красавицы.

Пока Бай Сяньчэнь стойко переносил холод, его лопань тоже страдал. Компас, обычно задиристый в присутствии «младшего брата», на сей раз уныло лежал рядом со стеблем цветка, прикидываясь мертвым.

Бай Сяньчэнь решил, что артефакту тоже грустно расставаться с Ледяной Красавицей.

Сам он тоже не хотел бы отсылать цветок, не будь тот таким зловещим. С тех пор как Красавица появилась рядом, Бай Сяньчэню почти каждую ночь снились кошмары о Се Уцзю. Эти сны заставляли его старые, почти затянувшиеся раны в душе ныть и кровоточить, вновь и вновь напоминая о прошлом.

Вернуть Ледяную Красавицу было лучшим решением для них обоих.

Видя, в каком унынии пребывает Бай Сяньчэнь, Линь Цзин помолчал немного и вдруг спросил:

— Слушай... мне тоже надо встать на колени?

Бай Сяньчэнь в недоумении поднял голову, а Линь Цзин уже проворно устроился рядом с ним. Какое-то время они оба молча созерцали цветок.

Внезапно Линь Цзин произнес:

— Хм, а этот цветок кажется мне знакомым...

Он долго чесал в затылке, пытаясь вспомнить, где его видел, но в конце концов сдался и перешел к делу:

— Завтра перед входом в Зеркало Десяти Тысяч образов каждый из вас получит руну. Если захочешь сдать, просто разорви её, и ты покинешь иллюзию. Обязательно спрячь её получше – есть те, кто специально ворует чужие руны. Если её отнимут – пиши пропало.

Бай Сяньчэнь согласно кивнул.

— И не лезь на рожон, — продолжал Линь Цзин. — Почувствуешь, что не выводишь – пасуй. Нет ничего важнее жизни.

Бай Сяньчэнь снова кивнул.

— Если совсем прижмет – кричи «караул», — добавил Линь Цзин. — Глава секты и старейшины будут наблюдать снаружи, а несколько старших братьев будут патрулировать само Зеркало.

Бай Сяньчэнь удивленно на него посмотрел. Он помнил, что в год его собственного вступления в секту личные ученики в иллюзорных мирах не дежурили.

Линь Цзин каким-то чудом понял его немой вопрос:

— В прошлые годы такого не было, но сейчас все боятся, что Почтенный Демон воспользуется моментом. Он же в прошлый раз грозился вернуться, кто знает, откуда этот гад вылезет на сей раз?

Снова этот Чжун Чжун.

Пока Бай Сяньчэнь размышлял об этом, Линь Цзин легонько толкнул его локтем и, заговорщицки подмигнув, прошептал:

— Я тут слышал уйму сплетен... Говорят, Почтенного Демона и того самого брата Бай Сяньчэня связывали весьма необычные отношения, вот он и не дает секте Нефритового Небосвода покоя. Люди болтают, что у них был... союз уточек-мандаринок.

Глаза Бай Сяньчэня едва не вылезли из орбит.

Линь Цзин показал большие пальцы обеих рук и с любопытством спросил:

— Но как у двух мужчин может быть союз уточек-мандаринок? Ты не в курсе, как это у них устроено?

Разговор принимал всё более странный оборот...

Но стоило Линь Цзину продолжить расспросы, как Ледяная Красавица, до того неподвижная, вдруг вздрогнула. Снег на полу задрожал, и порыв ледяного ветра швырнул горсть колючей крошки прямо в открытый рот Линь Цзина.

Тот вскрикнул от неожиданного холода и едва не подскочил на месте.

Поняв, что Ледяная Красавица весьма агрессивно настроена к чужакам, Бай Сяньчэнь не рискнул больше задерживать друга и вскоре вежливо выставил Линь Цзина за дверь.

Оставшись один, Бай Сяньчэнь повернулся к лопаню и цветку, грозя им пальцем:

— Так, темы «не для детей» впредь не слушать! Поняли?

Он подобрал едва не окоченевший в сугробе компас и спрятал его в рукаве, собираясь присесть рядом со снегом. Но стоило ему пошевелиться, как Красавица снова задрожала. Бай Сяньчэнь инстинктивно прикрыл рот рукой.

Однако на этот раз снег не полетел в него – вихрь закружился в воздухе и устремился к самому цветку.

Мгновение – и весь лед со снегом были поглощены Ледяной Красавицей.

В комнате снова воцарились тишина и тепло.

Бай Сяньчэнь в нерешительности потеревил край одежды, а затем присел на корточки, коснулся лепестков и тихо спросил:

— Ты что, боишься, что я замерзну?

Цветок замер.

Бай Сяньчэнь отвел взгляд:

— Ишь, молчишь? Неужели поняла, что я хочу от тебя избавиться? Но ты ведь насылаешь на меня кошмары... Как говорится, расставание – лишь путь к новой встрече! Давай разойдемся на время. Когда научишься принимать человеческий облик, приходи в гости. К тому времени ты научишься умирять свою зловещую силу и не будешь мне вредить.

Почувствовав, как лепестки Красавицы доверчиво прильнули к его ладони, Бай Сяньчэнь понял, что она его слышит. В хорошем расположении духа он взял её с собой в постель.

Успокоив Красавицу, он вытащил лопань.

Бай Сяньчэнь не знал, какой шок испытал компас, но артефакт в последние дни выглядел совершенно безжизненным, и никакие уговоры не могли его «оживить».

Никогда прежде он не был таким вялым.

Бай Сяньчэнь попытался, как раньше, расшевелить его сплетнями:

— Эй, хочешь знать, как двое мужчин заключают союз уток-мандаринок? Рассказать?

Лопань не стал, как обычно, восторженно размахивать механическими лапками. Вместо этого, услышав вопрос, он словно окончательно лишился сил: раздался сухой треск, и на корпусе проступила отчетливая трещина!

Этот разлом сделал и без того пошарпанный компас окончательно похожим на рухлядь.

Бай Сяньчэнь ужасно расстроился:

— Да что с тобой? Только не смей помирать вот так молча.

Лопань оставался недвижим.

Бай Сяньчэнь оставил его в покое, уложил «братьев» под бок, пожелал им спокойной ночи и закрыл глаза.

Зная, что кошмара почти наверняка не избежать, он перестал сопротивляться. Лишь напоследок легонько ткнул пальцем в Красавицу:

— Если уж мне суждено видеть сны, то сделай их хоть немного эстетичными и приятными, что ли!

Предыдущие кошмары были слишком грубыми. После каждого поцелуя Бай Сяньчэнь просыпался с чувством удушья и страха, а наутро губы ныли от призрачной, унижительной боли.

— Пойми ты, — в шутку добавил он. — Пусть это будет не Се Уцзю. Покажи кого-нибудь другого, еще краше, статного, с густыми бровями, большими глазами и бессмертной аурой... В общем, прояви гибкость.

Если Се Уцзю, прижимающий его и кусающий губы — это кошмар, то какой-нибудь другой красавчик мог бы превратить это в прекрасный сон.

На самом деле Бай Сяньчэнь за всю жизнь не встречал никого красивее Се Уцзю, но ведь Красавица — божественный цветок! У нее должен быть богатый кругозор, вдруг она подберет вариант и получше?

Если Ледяная Красавица окажется покладистой, то он, возможно, передумает её отсылать...

Бай Сяньчэнь заснул с этой приятной мыслью.

Однако Красавица явно пропустила его пожелания мимо ушей.

Ночной кошмар оказался еще более неистовым, чем обычно.

Бай Сяньчэнь был готов разрыдаться.

Сны стали пугающе реальными; он смутно осознавал, что спит, но ощущения от поцелуев и крепких объятий были слишком осязаемыми. Он пытался вырваться из забытья, оттолкнуть невидимого преследователя, но тело сковал «сонный паралич»: чем сильнее он хотел проснуться, тем глубже проваливался в сон.

Даже когда ему удавалось на миг вздрогнуть и открыть глаза, комната была пуста.

После нескольких таких пробуждений Бай Сяньчэнь окончательно отбросил сомнения и перестал сопротивляться.

Настоящему Се Уцзю точно не до того, чтобы играть с ним в такие детские прятки.

Ведь если бы Се Уцзю действительно было настолько нечего делать, что он стал бы преследовать его поцелуями в реальности, это означало бы одно из трех:

Первое: в Се Уцзю вселился бес. Второе: он решил так изощренно отомстить. Третье: он ищет смерти.

В любом из этих случаев Бай Сяньчэнь был готов сразиться с ним честно, лицом к лицу.

К счастью, пока всё ограничивалось лишь кошмарами.

<http://bllate.org/book/19453/1908656>